

Паламаренко Евгений Викторович

*аспирант, Общецерковная аспирантура и докторантура
им. святых равноапостольных Кирилла и Мефодия*

Адрес: 115035, г. Москва, ул. Пятницкая, д. 4/2, стр. 1

E-mail: palamarenko.2012@mail.ru

Русскоязычная община Иерусалима в 1950–1951 гг.

Русскоязычная община православных верующих в Иерусалиме в 1950–1951 гг. состояла из нескольких групп, находившихся в разобщении между собой, но и не обладавших полной самостоятельностью. К первой группе относятся насельники Русской духовной миссии в Иерусалиме и монахини Горненского женского монастыря, пребывавшие в полном подчинении Московской патриархии. Ко второй группе следует отнести паломниц, проживавших на Елизаветинском и других подворьях, расположенных вблизи административного здания миссии, но по-разному воспринимавших приезд первого и второго состава миссии из Москвы. К третьей группе относятся русские монахини и несколько священнослужителей из Старого города Иерусалима, бывшего частью Иордании. Они хотя и не могли посещать миссию, но поддерживали переписку с церковной иерархией Москвы, охотно принимали пожертвования, всячески декларировали свою преданность Московскому патриархату. К четвертой группе принадлежат насельницы и администрация монастырей Русской православной церкви за границей на Елеоне и в Гефсимании, которые были категорическими противниками единения с Московским патриархатом и однозначно выказывали свою настороженность в данном вопросе. Среди представителей четвертой группы были «сочувствующие» Московскому патриархату, что скорее было исключением, чем каким-либо массовым явлением. Настоящая статья построена на ранее не привлекавшихся источниках из Государственного архива Российской Федерации и нацелена на некоторое освещение событий жизни русскоязычных православных верующих в Иерусалиме в самом начале того времени, когда Русская православная церковь начала свое служение в новообразованном государстве Израиль.

Ключевые слова: Русская духовная миссия в Иерусалиме, Израиль, Палестина, Иордания, Иерусалимский патриархат, русские в Израиле.

Контекст заявленного в заглавии исследования предполагает, что изучение русского присутствия в Израиле и в Иерусалиме в 1950–1951 гг. требует формирования хронологических рамок, в которые нас помещает пребывание епископа Владимира (Кобца) в качестве начальника Русской духовной миссии в Иерусалиме. Кроме того, следует помнить, что в период с конца 1948 по март 1955 г. за российским церковным представительством в Израиле было закреплено официальное название Русская православная духовная миссия Московской патриархии в Палестине. Такое название в 1948 г. для Священного синода казалось актуальным, так как прежнее название «стало не соответствовать фактическому положению Миссии и суживало рамки ее деятельности» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 1216. Л. 229). Но позже, в марте 1955 г., тот же Синод Русской православной церкви принял решение о возвращении традиционного названия – Русская духовная миссия в Иерусалиме, которое мы будем использовать по отношению к изучаемому периоду.

Епископ Владимир (Кобец) – второй начальник Русской духовной миссии в Иерусалиме с момента восстановления ее деятельности в 1948 г. На смену прибывшему в ноябре 1948 г. архимандриту Леониду (Лобачеву) в январе 1950 г. был отправлен епископ Владимир, который пробыл в своей должности до сентября 1951 г. Период с января 1950 по осень 1951 г. станет временем рассмотрения заявленной в теме проблемы.

Русскоязычная община Иерусалима в близком к нашему периоду контексте ранее рассматривалась в ряде работ (Лисовой, 2006; Сафонов, 2008; Сафонов, 2012; Сафонов, 2013; Изотов, 2017). Комплексного изучения как положения Русской духовной миссии, так и жизни русскоязычной общины Израиля в период 1948–1967 гг. в настоящее время нет. В связи с этим настоящая статья призвана стать звеном в последующем изучении русского церковного присутствия в Израиле.

Период 1950–1951 гг., когда епископ Владимир возглавлял Русскую духовную миссию в Иерусалиме, интересен по нескольким причинам.

Во-первых, епископ Владимир был назначен на должность уже в качестве епископа, что за предшествующую вековую историю служения миссии встречалось только дважды, притом оба назначения пришлись на первое десятилетие ее существования. Вплоть до сегодняшних дней назначение на должность начальника миссии лица в столь высоком церковном сане не повторялось, что объясняется отсутствием необходимости в таком назначении, которое в 1948–1949 гг. представителям советского посольства в Израиле и членам миссии виделось чрезвычайно востребованным. В сообщениях начальника миссии архимандрита Леонида (Лобачева) и представителей дипломатического корпуса в 1948–1949 гг. указывалось на острую необходимость назначения лица в епископском сане, что должно было поднять авторитет миссии среди других представительств, сделать общение начальника с другими иерархами равным.

Во-вторых, период 1918–1948 гг. сопряжен с отсутствием какой бы то ни было связи Палестины с СССР и Русской церковью, что отчетливо сказывалось в первые годы после восстановления деятельности миссии в 1948 г. Свидетельством существенных затруднений в налаживании привычной для дореволюционного периода деятельности миссии служит переписка между начальником, членами миссии, русским населением Иерусалима и церковной иерархией Русской православной церкви в Москве. Первому и второму составу миссии приходилось трудиться над установлением

связей с властями Израиля, инославными исповеданиями, местным населением, разбираться в церковной собственности, часть которой отошла Русской православной церкви за границей (РПЦЗ), а некоторые объекты стали целью израильского государства.

В-третьих, отношения епископа Владимира с подчиненным духовенством и монахинями Горненского монастыря нельзя считать образцовыми. Духовенство миссии неоднократно обращалось к церковной иерархии Москвы с жалобами на отсутствие понимания к их нуждам; сетовало на недоброжелательность; обращало внимание на череду преград к налаживанию нормальной работы миссии.

Прибытие епископа Владимира было воспринято с нескрываемой надеждой на грядущие перемены. Сам он в письме патриарху Алексию от 23 января 1950 г. сообщал, что сестры Горненского монастыря встретили его добросердечно, у монастырских ворот преподнесли хлеб и соль, все без исключения присутствовали в храме на его первом богослужении. Настроение сестер было бодрым, но в то же время имели место «шероховатости и нетерпимости, допущенные» протоиереем Владимиром Елховским, заместителем начальника миссии в 1948–1949 гг., из-за чего он был удален из монастыря, так как недостаточно авторитетен среди насельниц (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 728. Л. 56*).

В свете изучения положения дел в миссии актуальным также является представить описание взаимоотношений духовенства миссии с государственной властью Израиля, привести факты притеснения и игнорирования прав церковного представительства, которое в последующие годы будет нарастать. В связи с этим представляет интерес отрывок из доклада епископа Владимира патриарху Алексию, написанный в первые месяцы пребывания в Израиле, в котором звучит нарекание на доставляемые неудобства со стороны израильтян:

«Очень многое изменилось по отношению к нам. Если я начинаю требовать то, что нам полагается, то они заслушивают, но не скоро исполняют. Так, через миссию сделали проезжую дорогу, все машины и подводы проходят возле церкви, даже задевают церковный угол. И день и ночь грохочут всякие машины (...) Везде они лезут, стараются занять каждый уголок и присвоить себе. Насчет воды приходится чуть ли не драться, чтобы прислали воды на миссию» (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 728. Л. 102*).

Епископ Владимир в первые же недели своего пребывания в миссии столкнулся с особым отношением, которое выказывали ему иеромонах Исаия (Бабинин) и архимандрит Мелетий (Розов). Они вместе с несколькими священнослужителями представляли собой группу духовенства, находившуюся в миссии на протяжении нескольких десятилетий до восстановления ее деятельности в 1948 г. Так, епископ Владимир с крайней настороженностью сообщал в Москву, что иеромонах Исаия посещает В.А. Самарского – секретаря Православного палестинского общества, которого называл для миссии явным врагом и характеризовал его так: «Для него никто и ничто не существует, лишь бы ему самому было хорошо. Он и нашу миссию не может терпеть и наушает всех» (Там же).

Основной причиной, почему деятельность епископа Владимира вызывала у него затруднение, было разногласие интересов прибывшего нового руководства из Москвы и много лет проживавшего в Иерусалиме духовенства и монахинь. Не секрет, что пребывавшая в Палестине долгие годы группа

населников миссии была противницей СССР и Московского патриархата, опасалась любого общения с церковной иерархией из Москвы, она ожидала открытия границы с Иорданией для воссоединения с РПЦЗ и возвращения бывшего начальника миссии архимандрита Антония (Синькевича) (*Там же*).

Одной из существенных проблем, с которой столкнулся епископ Владимир, стало избрание новой игуменьи Горненского монастыря. Сестры монастыря, ранее разобщенные на несколько партий, в этом вопросе проявляли необыкновенное сопротивление единоличным действиям начальника. Летом 1950 г. епископ Владимир назначил настоятельницей Горненского монастыря монахиню Афанасию (Лисенкову) вместо почившей игуменьи Антонины (Гришко). Данному назначению предшествовали несколько месяцев неопределенности. Само назначение сопровождалось конфликтом, возникшим вокруг нескольких групп монахинь. Некоторые насельницы требовали назначить настоятельницей 85-летнюю монахиню Смарагду. Большая же часть была за игуменью Афанасию, а иеромонах Исаия и пять монахинь выступали за назначение игуменьей рясофорной послушницы Елизаветы Умниковой, но, как пишет начальник,

«мне пришлось выехать в Горнее для усмирения, но никак не мог усмирить их потому, что Умникова стала безобразничать и кричать. Я предупредил ее, что нельзя так кричать и ругаться, но она продолжала. Тогда я ее удалил из собрания и запретил носить рясофор» (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 728. Л. 164–164 об.*).

В период служения епископа Владимира в должности начальника в миссии проживало 10–12 человек и в Горненском монастыре около 50 монахинь. Советские паспорта имели не все. Часть имела израильские паспорта и советские брать отказывалась. Среди монахинь имелись румынки, болгарки. Младше 60 лет не было ни одной монахини. В Старом Иерусалиме также жили монахини московской юрисдикции. Из Старого города в израильскую часть Иерусалима никого из них не пропускали, а тамошние сторонники РПЦЗ всячески притесняли этих монахинь. Греки из Иерусалимской патриархии к монахиням, приверженцам Московской патриархии, относились снисходительно и оказывали им некоторую помощь. В Иерусалиме Троицкий собор посещали кроме 50 паломниц, проживавших на Елизаветинском подворье, болгары, греки и другие светские лица.

На момент приезда епископа Владимира и священников Димитрия Москалева и Виктора Костина в качестве нового состава миссии ее личный состав состоял из четырех священнослужителей, а именно постоянными насельниками миссии были: архимандрит Мелетий, иеромонах Исаия, иеромонах Алексей, иеродиакон Сергей. Архимандрит Мелетий находился в преклонном возрасте и жил при миссии. Иеромонах Исаия тяготел к Горненскому монастырю и избегал посещения миссии. Иеромонах Алексей помимо обязанностей по церкви выполнял обязанности плотника. Иеродиакон Сергей пользовался особым вниманием и расположением к себе епископа Владимира (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 21–25*). Архимандрит Леонид (Лобачев) и протоиерей Владимир Елховский, будучи предыдущим составом миссии, покинули Израиль в первом полугодии 1950 г.

Одним из наиболее активных сторонников объединения с РПЦЗ был иеромонах Исаия, находившийся в преклонных годах и по большей части служивший в Горненском монастыре. Епископ Владимир характеризовал его как человека нервного, неуравновешенного. Ранее иеромонах Исаия первым признал Московского патриарха в 1945 г., а в 1949 г. получил совет-

ский паспорт. Епископ Владимир считал, что на этом основании он рассчитывал играть в миссии особую роль, но этого не случилось, и тогда он стал не признавать начальника миссии и своевольничать. Дело дошло до того, что он обвинил епископа Владимира в избиении. Об этом он заявил в полицию и в советскую миссию (посольство). После того как епископ Владимир стал ему выплачивать по 15 израильских фунтов, иеромонах Исаия пришел с повинной и сказал, что к жалобам на него его подбил В.А. Самарский.

В.А. Самарский, по заявлению епископа Владимира, вел себя двурушнически. Когда приехали представители Российского палестинского общества из Москвы, В.А. Самарский передал им квартиру и канцелярию общества. После этого он подал заявление в полицию, что приехавшие представители Российского палестинского общества выкинули из помещений иконы. Действительно, приехавший М.Н. Калугин потребовал убрать из принятых помещений иконы, и это дало повод В.А. Самарскому поднять шум.

Слова В.А. Самарского подтверждал епископ Владимир, докладывая о приезде из Москвы сотрудников Российского палестинского общества Калугина и Зайцева. Со слов епископа Владимира, с самого начала они повели себя нетактично и гордо. Увидев в помещениях общества на стенах иконы, Калугин в грубой форме потребовал их выкинуть, что дало повод для широкой агитации о гонениях на церковь в СССР. Когда дошла очередь до выдачи пособия монахиням и паломницам, проживавшим на подворьях общества, в ответ последовало: «Мы никаких старух не признаем». Кроме того, между епископом Владимиром и приехавшими членами общества возник конфликт из-за автомашины, в пользовании которой начальник миссии отказал. Далее епископ Владимир пишет:

«У меня на обеде, устроенном по случаю их приезда, товарищ Калугин даже не захотел познакомиться с Рабиновичем, управляющим русскими имуществами Палестинского общества в качестве опекуна израильского правительства. Рабинович обиделся, и поэтому, когда дело дошло до сдачи имущества товарищам Калугину и Зайцеву, было заявлено: «Мы – представители Православного палестинского общества, а вы – нового Палестинского общества при Академии наук, поэтому вам нечего здесь делать. Идите и ройтесь в пещерах» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 108–111).

До приезда представителей Российского палестинского общества В.А. Самарский получал у И.Л. Рабиновича жалованье, но после увольнения из общества И.Л. Рабинович прекратил ему выплату денег. После передачи дел В.А. Самарский переехал на жительство во французский монастырь, а позже уехал во Францию, и больше в Иерусалиме о нем ничего не было слышно (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 108–111).

20 сентября 1950 г. посланник советской миссии Ершов сообщал в МИД СССР, что епископ Владимир совсем не имеет денег. Ранее епископ Владимир занял у И.Л. Рабиновича 70 фунтов и уже их израсходовал. Неотложные нужды миссии епископ Владимир покрывал за счет своей зарплаты, а отсутствие у него средств заметно сказывалось на его моральном состоянии (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 728. Л. 212).

В те годы имело место недостаточное финансирование миссии из Москвы. Кроме того, сказывалось постоянное удорожание жизни в Израиле, о чем говорится во многих отчетах в Москву. Миссии приходилось осуществлять восстановление церковных объектов, проводить на них ремонт,

содержать персонал, развивать свою деятельность. Нарекание на нехватку денег – настолько частая причина жалоб в Москву, что последующая продажа земельных участков, сдача их в аренду, а также попытки сделать церковные участки рентабельными путем продажи выращенных на них цитрусовых в некоторой степени объясняют дальнейшие манипуляции с собственностью. Сложившаяся административная политика все же не может быть оправданием тому, что в последующие годы, в силу недостатка финансирования и отсутствия видения ценности продаваемых земельных участков, отношение к продаже последних будет легким и лишенным всякой ответственности перед будущими поколениями.

В Старом Иерусалиме проживала группа монахинь, состоявшая из 10 человек во главе со схиигуменьей Евгенией, признававших и пребывавших в духовном единении с Московской патриархией. Особенно стойкой, энергичной и преданной, несмотря на 80-летний возраст, в этой группе была схиигуменья Евгения, долгие годы находившаяся в переписке с патриархом Алексием и митрополитом Николаем (Ярушевичем).

Кроме этих лиц имелся русский игумен Нифонт, проживавший в Иерихоне. Из среды духовенства Иерусалимской православной церкви был известен добрым отношением к Московской патриархии архимандрит Исидор, впоследствии митрополит Назаретский, знавший хорошо русский язык. Даже случалось так, что иорданские власти заключали его в тюрьму, так как считали коммунистом (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 118–123*). После возведения в епископский сан он долгие годы оставался другом миссии, был ее частым гостем, чему во многом способствовало его пребывание в Назарете, городе, который был частью Израиля.

Одновременно с деятельностью миссии в еврейской части Иерусалима русская церковная жизнь протекала и в иорданской половине Иерусалима. Разделенность города препятствовала не только общению и свободному передвижению, но делала затруднительным доступ к информации о русской общине, проживающей в одном городе, разделенном границей.

Схиигуменья Евгения в октябре 1950 г. писала патриарху Алексию, что митрополит Анастасий (Грибановский) поручил бывшему начальнику миссии архимандриту Антонию явиться к Иерусалимскому патриарху Тимофею и настоять, чтобы он признал зарубежную русскую церковь наравне с патриаршей русской церковью. После чего патриарх Тимофей категорически заявил, что он признает только патриарха Московского Алексия и запрещает архимандриту Антонию и другим сторонникам митрополита Анастасия служить в греческих церквях в Израиле и Иордании (кроме Елеона), запретил также совершать постриги монахов и монахинь. Затем митрополит Анастасий назначил заместителем начальника миссии РПЦЗ архимандрита Димитрия (Биакая). Последний был откомандирован по просьбе игуменьи Марии (Робинзон) и прибыл в Иерусалим в начале 1950 г. Архимандрит Димитрий, по национальности татарин, в 11 лет принял православие, за границу бежал вместе с митрополитом Анастасием из Киева, где был монахом. В то время в Старом Иерусалиме оставалось только два иеромонаха из числа сторонников митрополита Анастасия. С отъездом архимандрита Антония, как пишет схиигуменья Евгения, в Иерусалиме оставалось

«гораздо большее зло – Гефсиманская (она же Вифанская) община с Марией Робинзон, которая щедро субсидируется англичанами и куда собирают всех врагов нашей церкви. Недавно выписаны

10 монахинь из Германии, бывшие в Киеве. Русского в этой общине, занимающей такие святые места, ничего не осталось».

В Старом городе монахини – сторонницы Московского патриархата жили крайне тяжело. «Патриархийные» монахини получали только муку от организации, заменившей собой Красный Крест. Англиканский епископ тайно выдавал схиигуменье Евгении пять фунтов в месяц для ухода за десятью больными и престарелыми монахинями. Монахини РПЦЗ получали от архимандрита Антония по 50 пиастров в месяц и некоторые продукты (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 728. Л. 220–221).

Против архимандрита Антония была настроена Мария Робинзон из Гефсимании, а насельницы Елеонского монастыря были скорее его сторонницами. Был слух, что архимандрит Антоний позже, уже в качестве епископа, намеревался учредить собственную духовную миссию на раскопках, противником чего выступила бы Иерусалимская патриархия. Архимандрит Димитрий заменил архимандрита Антония на должности начальника миссии в августе 1951 г.

Раздача денег среди монахинь Старого Иерусалима по поручению еще архимандрита Леонида (Лобачева) явилась поводом для обвинения перед иорданскими властями Иерусалимской патриархии в том, что она стала проводником политики Москвы. Началась кампания в прессе, патриарху Тимофею пришлось публиковать в греческой газете опровержение выдвинутых обвинений. Король Абдулла лично вызвал к себе епископа Афинагора, прямо предложил и пригрозил ему, во избежание осложнений для Греческой патриархии, прекратить сношения с представителем «коммунистической Москвы» епископом Владимиром. Попытка епископа Афинагора объяснить характер взаимоотношений Греческой патриархии с Московской патриархией как чуждый политической коннотации была королем Абдуллой грубо пресечена, и он оставил в силе свое указание. В связи со всем вышеизложенным Синод Греческой патриархии предложил всем членам Святогробского братства воздержаться от общения с членами Русской духовной миссии в Иерусалиме, что ими и было выполнено (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 16).

В попытке охарактеризовать положение дел в миссии и внести ясность в понимание настроений того времени видится целесообразным привести отрывок из письма сыну члена миссии священника Виктора Костина от 19 октября 1950 г., в котором звучат намеки на истинное положение дел, связанное с трудностями в налаживании нормальной деятельности миссии:

«Напрасно я сюда приехал, не мне, старику, здесь место, а молодому, энергичному, сильному, да и не светскому представителю духовенства, а монаху (...) Главное, что здесь мешает плодотворной деятельности, так это сам начальник миссии, который не выдержан, горяч не в меру и скуп до глупости (...) Лучше отбывать заключение, чем находиться здесь. Епископ Владимир называет нас дураками, ненормальными, да и другим говорит так о нас (...) Результаты плодотворной деятельности начальника духовной миссии уже сказались. В Елизаветинском подворье его не уважают. В Горнем монастыре то же настроение. Греческое духовенство, бывая здесь, в Иерусалиме, к нам уже не заходит, а потому, что он жалеет даже в пище по отношению к ним и не скрывал этого настроения даже при них самих (...) Не заходят теперь к нам

и арабские священники, и абиссинцы, и другие» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 728. Л. 218-219).

Тоже член миссии, приехавший вместе с епископом Владимиром и покинувший Израиль через год с небольшим, священник Димитрий Москалев 28 апреля 1951 г. в своем отчете в ОВЦС, завершив командировку, пояснял положение дел так:

«Анализируя свое пребывание и службу в Палестине, я прихожу к следующему заключению: для сохранения авторитета Русской духовной миссии в Палестине и возвышения Русской православной церкви за границей считаю необходимым срочно отозвать начальника миссии епископа Владимира, заменив его человеком более грамотным и культурным, хотя бы в сане иеромонаха, епископ там не нужен. А также уволить с миссии лишеного монашеского звания иеродиакона Сергия, который своим поведением разлагает жизнь православной общины (...) Чтобы сохранить Горненскую обитель под ведением Русской православной церкви, водворить мир и единение, требуется увольнение на покой иеромонаха Исаии, с оставлением жительства в монастыре (...) Ввиду частых ночных нападений на келии монашествующих с целью грабежа – срочно дать указания начальнику миссии нанять ночного сторожа для охраны обители, о чем ежедневно со слезами просят сестры монастыря. Во все время моего пребывания в Палестине я не принимал никакого участия в делах миссии, был отстранен, как неграмотный, неспособный, почему и не могу ничего сказать о проделанной работе нашей миссии. Вся жизнь в Палестине происходила в исправлении церковных служб» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 32–33).

Летом 1951 г. бывший начальник миссии архимандрит Антоний уехал в США с большим имуществом, которое, как сообщала схиигуменья Евгения, было им украдено в русских монастырях Иерусалима. После чего Мария Робинзон, игуменья общины Марии Магдалины в Гефсимании, обратилась с просьбой к патриарху Тимофею принять ее в свою юрисдикцию со всей общиной, на что патриарх сказал, что никогда не примет тех, кто не признает патриарха Алексия, передал это дело в Синод, и Синод дал такой же отрицательный ответ.

2 сентября 1951 г. епископ Владимир сообщал патриарху Алексию о тяжелом состоянии дел в Горненском монастыре:

«Пишу вам, что нам делать, я уже измучился с такими делами, у нас в Горнем монастыре идет повальный грабеж, почти все домики разграблены, начиная разорять, берут окна, и двери, и рамы (...) Сломали замки и дверь и забрали все, на днях забрали котлы медные из бани, взяли всю принадлежность. Я вызывал полицию, они никаких мер не принимают, говорят, это арабы. У нас есть сторожа на колокольне, они видят, что евреи, арабы за 10 километров не пойдут. Я был в главной полиции, они только смеются, больше ничего. Теперь в Яффе в саду все трубы водосточные с церкви снимали, и полиция никаких мер не принимает. Одним словом, полнейший грабеж на православных русских, и вооруженные бросают бомбы, стреляют с винтовок, выбивают двери и начинают грабить» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 78).

За время пребывания епископа Владимира в должности начальника

миссии был потерян только один земельный участок. Постепенная утрата земельного фонда будет нарастать при последующих начальниках. Приобретая различные формы – от реквизиции до самостоятельной продажи как вследствие неспособности осуществлять управление ими, так и из-за действий израильтян, всячески старавшихся отбирать их в большем количестве, отчуждение русской церковной собственности будет становиться все более острым вопросом. Одним из первых насильственно реквизированных стал участок в Катамоне, ранее принадлежавший монаху Сильвестрову Искандеру, который еще до 1915 г. уехал в Россию и более не приезжал. Ведение этого участка он поручил архимандриту Мелетию, который до 1935 года систематически высылал ему арендную плату, а когда Сильвестров Искандер умер, тогда он прекратил ему высылку денег. Миссия оплачивала причитающиеся налоги до конца марта 1948 г. В 1950 г. израильское государство начало на этом участке строительство домов. 2 мая 1951 г. по ходатайству епископа Владимира и по показаниям архимандрита Мелетия этот участок земли Иерусалимский окружной суд присудил Русской духовной миссии в Иерусалиме с условием, чтобы миссия разрешила генеральному опекуну в Израиле продать иерусалимским муниципальным властям этот участок за 22 тысячи израильских фунтов (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 844. Л. 195*), цена за который, по свидетельству архимандрита Мелетия, была занижена более чем в десять раз (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 63–65*). В итоге участок был продан за предложенную сумму, а деньги были переданы на хранение епископу Владимиру.

12 июля 1951 г. произошел печальный инцидент, и последующий отъезд епископа Владимира из Израиля стал отчасти его следствием. На праздник апостолов Петра и Павла после литургии в Яффе по поручению епископа Владимира его водитель должен был отвезти монахинь в Горненский монастырь и вернуться. На обратном пути из Иерусалима водитель взялся подвезти израильского офицера. У деревни Маус, когда шофер огибал скалу, с ее вершины бросилась на машину неизвестная женщина, падая, она задела машину и разбилась о мостовую. Шофер ее не переезжал, но каким-то образом задел автомобилем. Прибывший полицейский составил протокол. Очевидцы происшествия арабы, сидевшие неподалеку в кафе и видевшие, как женщина бросилась со скалы, говорили, что погибшая ненормальная и неоднократно покушалась на самоубийство. После этого шофер обрил бороду, что привлекло внимание. Вечером в газетах появилось сообщение, что монах – шофер миссии задавил женщину. После этого в миссию явился израильский полицейский и спросил, выезжала ли миссийская машина, после чего водитель признался и о случившемся стало известно в миссии.

В конце ноября 1951 г. от архимандрита Поликарпа, будущего начальника миссии, стало известно, что шофер миссии Николай вызван повесткой в суд по делу об убийстве машиной жительницы Абу-Гош. В связи с тем что послушник Николай отказывался сообщить подробности происшествия, епископ Владимир, находясь в Москве, давал пояснения обстоятельств происшествия (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 844. Л. 184–184 об.*).

Со слов епископа Владимира, Николай (в возрасте около 30 лет) был принят в марте 1950 г. садовником в Яффский сад на временную работу, после чего был уволен по собственному желанию, объясняя это тяжелыми условиями труда. Зимой 1951 г. упомянутый Николай вновь попросился на работу в миссию и был принят сторожем при условии вступления в братию миссии. Он согласился и, работая сторожем церкви, одновременно

в течение двух месяцев учился на курсах шоферов. После этого был принят на работу шофером миссийской машины. Послушник Николай был принят, так как он болгарин, и епископ Владимир не видел препятствий к его приему на работу. Спустя неделю после аварии епископ Владимир сообщил о происшествии в посольство СССР. На тот момент, согласно израильским законам, в случае налета автомашин на пешеходов ответственность несли не только шоферы, но и владельцы автомашин (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 844. Л. 186–192).

Материальное положение основных владений миссии на сентябрь 1951 г. выглядит не лучшим образом. Тивериадский дом и Магдальский сад давали небольшой доход – 496,5 израильского фунта в год. В Хайфе необходимо было построить упавшую стену. В Яффском саду требовался капитальный ремонт колокольни. В Горненском монастыре ситуация была еще сложнее. О ней епископ Владимир говорил так:

«Евреи грабят и разрушают нежилые дома. Сейчас я сосредоточил всех монашествующих уже в домиках около церкви, но нападения начинаются и на жилые дома. Много раз заявлял об этом в полицию и наше посольство. Но результата нет. Как мне кажется, этот больной вопрос наше посольство не особенно трогает. То же и в Яффе. В Кане Галилейской также находится грек, намеревающийся построить ресторан на нашей пустыющей земле» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 106–107).

А также добавлял: «Внутреннее положение миссии благополучное. Исключением является Горненский монастырь, в котором продолжает смуту группировка иеромонаха отца Исаии (монахини Марина, Акилина, Вероника, послушница Елизавета). Сам иеромонах Исаия человек неуравновешенный, больной, но его психика опасная и вредная для нас. От него монашенки требуют нравственных поучений, а он с амвона кричит: “Владыка в наших руках. А вот придет Америка, мы покажем, кто мы такие”. В обращении грубиян, притворщик. Единственный выход – удаление его из Горнего» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 108).

Епископ Владимир и иеродиакон Сергей (Павлюк) выехали 25 сентября 1951 г. в Констанцу и затем в Москву. Иеродиакону Сергию было предложено сопроводить епископа Владимира в Москву и вернуться, но миссия была заинтересована в том, чтобы выездная виза из СССР выдана ему не была (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 844. Л. 144). Даже посол СССР в Израиле предлагал выдать иеродиакону Сергию вид на жительство, а не свидетельство на возвращение, чтобы он не испугался поездки. Перед отъездом со стороны архимандрита Мелетия и иеромонаха Исаии осуществлялись попытки запугивания, отговаривания его от поездки в СССР (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 844. Л. 147). В сообщении представителей посольства СССР в Израиле от 20 марта 1951 г. говорилось, что «архимандрит Исидор рассказал одному из сотрудников дипмиссии в Израиле, что служащий Русской духовной миссии иеродиакон Сергей (...) не заслуживает доверия как английский шпион, болтун и пьяница. Английским шпионом считал его также архимандрит Наркис» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 19), что, вероятно, стало причиной такой осторожности в деле дипломатического выдворения неугодного сослуживца. Как следствие, иеродиакону Сергию, прибывшему в СССР, будет наложен запрет на выезд обратно в Израиль. Попытки выезда и получения вызова будут им неоднократно предприниматься в дальнейшем.

Отчет епископа Владимира о командировке в Израиль состоял из разъяснения положения дел миссии. В 1950–1951 гг. правительство Израиля занималось выяснением наличия достаточной юридической оформленности многочисленных иностранных владений, отсутствие которой давало основания зачислить имущество в госфонд. Отсутствие регистрации миссии как составной части Московской патриархии затрудняло оформление права собственности на земельные участки миссии. Также, по словам епископа Владимира, весь 1950 г. он выплачивал долги, накопленные архимандритом Леонидом в 1948–1949 гг. (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 105–106*). Интересно то, что юридическая сторона деятельности миссии не будет разрешена долгие десятилетия. К примеру, даже патриарх Алексий II в 1991 г. будет ходатайствовать в МИД СССР о необходимости содействия в деле оформления права собственности на Троицкий собор и прилегающее к нему административное здание миссии (*АВП РФ Ф. 89-Израиль. Оп. 44. П. 58. Д. 3. Л. 90–92*). Право собственности на данные объекты за РПЦ будет официально закреплено только в 1997 г. (*АВП РФ Ф. 89-Израиль. Оп. 50. П. 69. Д. 8. Л. 1*).

Уехавший последним, представитель второго состава миссии протоиерей Виктор Костин 10 ноября 1951 г. предоставил на имя патриарха Алексия отчет о своём практически двухлетнем пребывании в миссии, где, помимо информации о первых днях по приезде в миссию, эмоционального описания встречи с ранее не виденным, он пишет об отношениях с посольством и членами миссии:

«Во всех делах практического характера, когда встречались затруднения в разрешении их, мы всегда встречали поддержку посольства, а также при неполадках во взаимоотношениях между членами миссии и братии ее. Начальнику миссии епископу Владимиру приходилось видеться часто с Рабиновичем Исааком Львовичем, который являлся попечителем русского имущества в Израиле от Сохнута. Рабинович Исаак Львович, как истый еврей, да еще и сионист, все, конечно, делал в интересах своего народа, но не миссии, хотя и поставлен был из Сохнута властью заботиться именно в интересах миссии. Что это так, так это доказывает случай с участком Сильвестрова. Воспользовавшись тем, что уже с греками у них были подобные случаи и для них удачно, а здесь еще миссия православная русская не зарегистрирована, они объявили его бесхозным, через суд продали его за 22 тыс. израильских фунтов, хотя архимандрит Мелетий, проживающий при миссии, говорил, что ему в прежние времена давали 30 000 израильских фунтов, а теперь бы за это место дали бы, если продать, 200 000 израильских фунтов. Рабинович сумел заинтересовать в деньгах начальника миссии епископа Владимира, и последний согласился взять их временно на себя до предъявления прав на наследство Сильвестрова кем-либо из родственников. Хотя из посольства и указывали владыке на то, что он не должен брать эти деньги, но он все-таки взял, из тех соображений, что он на них что-либо устроит, так по крайней мере он говорил» (*ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852*).

Также священник Виктор Костин писал, что в течение всего 1950 г. евреи, приехавшие из других стран в Эйн-Керем, ограбили много нежилых домов, в которых имелось имущество. Когда в 1951 г. после некоторого затишья

грабежи усилились, насельницы соседнего католического монастыря поддерживали монахинь Горненской обители, говоря: «Не уходите, вас хотят напугать, чтобы вы ушли, а тогда ваше место займут евреи» (ГАРФ. Ф. 6991. Оп. 1. Д. 852. Л. 136).

Эпоха, когда протекала деятельность епископа Владимира в должности начальника миссии, интересна и многогранна. Помимо событий из жизни миссии внимания заслуживает деятельность РПЦЗ, которая отличалась небывалым антагонизмом к РПЦ. 1951 г. стал временем смены эпох, когда архимандрит Антоний, будучи представителем бывшей церковной иерархии единой миссии до 1948 г., покинул Иерусалим, а значит, чаяния восстановления былого единства претерпели изменения. Отъезд епископа Владимира сопровождался недовольством им среди греков, отрицательным отношением со стороны насельников миссии, печальным инцидентом с участием водителя. Письма епископа Владимира в Москву проникнуты заботой и исканием блага для миссии, но, возможно, недостаточное понимание реальной картины происходящего и отсутствие опыта работы за рубежом сказывались на некоторых его способностях как церковного администратора, духовника и хозяйственника.

Литература

Архив внешней политики Российской Федерации (АВП РФ). Ф. 89-Израиль. Оп. 44. П. 58. Д. 3; Оп. 50. П. 69. Д. 8.

Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 6991. Оп. 1. Д. 728, Д. 844, Д. 852, Д. 1216; Оп. 2. Д. 213.

Изотов А.Б. Русское паломничество на Святую Землю: аспекты историографии // Христианство на Ближнем Востоке. 2017. № 1. С. 167–181.

Лисовой Н.Н. Русское духовное и политическое присутствие в Святой Земле и на Ближнем Востоке в XIX – начале XX в. М.: Индрик, 2006. 512 с.

Сафонов Д.В. К 60-летию возобновления деятельности Русской Духовной Миссии на Святой Земле // http://www.bogoslov.ru/text/360917.html#_ftn63 (дата обращения: 29.10.2017).

Сафонов Д.В. РПЦЗ и Духовная миссия в Иерусалиме в отношениях с зарубежным ППО (1917–1948 гг.) // Императорское Православное Палестинское Общество к 130-летию со дня основания: международная научная конференция, г. Москва, 10 ноября 2011. Российская акад. наук, Ин-т российской истории, Имп. Правосл. Палестинское о-во. Москва, 2012. С. 105–118.

Сафонов Д.В. Русская духовная миссия и православное палестинское общество в 1948–1951 гг. (по документам Государственного архива Израиля) // Сретенский сборник. Научные труды преподавателей СДС. Москва, 2013. С. 256–366.

Evgenii Palamarenko

*Postgraduate student of Saints Cyril and Methodius Theological
Institute of Post-Graduate and Doctoral Studies*

Address: bldg. 1, 4/2 Pyatnitskaya St., 115035 Moscow, Russian Federation

E-mail: palamarenko.2012@mail.ru

The Russians in Jerusalem in 1950–1951

The Russian-speaking community of Orthodox believers in Jerusalem in 1950-1951 consisted of several groups that were in disunity between themselves, but also did not have complete independence. The first group includes the inhabitants of the Russian ecclesiastical mission in Jerusalem and the nuns of the Gornenskii convent, who were in full subordination to the Moscow Patriarchate. The second group should include pilgrims who lived in Elizavetinsky and other farmsteads located near the administrative building of the Mission, but they perceived differently the arrival of the first and second members of the Mission from Moscow. The third group includes Russian nuns and several clergymen from the Old City of Jerusalem, formerly part of Jordan. Although they could not attend the Mission, they maintained correspondence with the Moscow hierarchy of Moscow, willingly accepted donations, and in every way declared their loyalty to the Moscow Patriarchate. The fourth group includes the inhabitants and the administration of the monasteries of the Russian Orthodox Church Outside of Russia on Mount Eleon and Gethsemane, who were categorical opponents of uniting with the Moscow Patriarchate and unambiguously showed their suspicion in this matter. Among the representatives of the fourth group were “sympathizers” to the Moscow Patriarchate, which was rather an exception than any mass phenomenon. This article is based on previously not attracted sources from the State Archives of the Russian Federation and is aimed at some coverage of the events of the life of Russian-speaking Orthodox believers in Jerusalem at the very beginning when the Russian Orthodox Church began its ministry in the newly-formed State of Israel.

Keywords: Russian ecclesiastical mission in Jerusalem, Israel, Palestine, Jordan, Jerusalem Patriarchate, Russian in Israel.

References

Arkhiv vneshnei politiki Rossiiskoi Federatsii [Foreign Policy Archive of the Russian Federation]. F. 89-Izrail'. Op. 44. P. 58. D. 3; Op. 50. P. 69. D. 8. (In Russian).

Gosudarstvennyi arkhiv Rossiiskoi Federatsii [State Archives of the Russian Federation]. F. 6991. Op. 1. D. 728, D. 844, D. 852, D. 1216; Op. 2. D. 213. (In Russian).

Izotov A.B. Russkoe palomничество na Sviatuiu Zemliu: aspekty istoriografii [Russian pilgrimage to the Holy Land: the issues of historiography]. *Christianity in the Middle East*, 2017, no. 1, pp. 167–181. (In Russian).

Lisovoi N.N. *Russkoe dukhovnoe i politicheskoe prisutstvie v Sviatoi Zemle i na Blizhnem Vostoke v XIX – nachale XX v.* [Russian spiritual and political presence in the Holy Land and the Middle East in the twentieth and early twentieth centuries]. Moscow: Indrik, 2006, 512 p. (In Russian).

Safonov D.V. *K 60-letiiu vozobnovleniia deiatel'nosti Russkoi Dukhovnoi Missii na Sviatoi Zemle*, 2008 [To the 60th anniversary of the resumption of the activities of the Russian Ecclesiastical Mission in the Holy Land]. Available at: http://www.bogoslov.ru/text/360917.html#_ftn63 (accessed 29.10.2017) (In Russian).

Safonov D.V. *RPTsZ i Dukhovnaia missiia v Ierusalime v otnosheniakh s zarubezhnym PPO (1917–1948 gg.)* [The Russian Orthodox Church Outside of Russia and the Spiritual Mission in Jerusalem in Relationships with Foreign Software Companies (1917–1948)] Imperatorskoe Pravoslavnoe Palestinskoe Obshchestvo k 130-letiiu so dnia osnovaniia: mezhdunarodnaia nauchnaia konferentsiia, g. Moskva, 10 noiabria 2011. Rossiiskaia akad. nauk, In-t rossiiskoi istorii, Imp. Pravosl. Palestinskoe o-vo [The Imperial Orthodox Palestine Society for the 130th anniversary of its foundation: an international scientific conference, Moscow, November 10, 2011. Russian Academy of Sciences, Institute of Russian History, Imperial Orthodox Palestinian Society]. Moscow, 2012, pp. 105–118. (In Russian).

Safonov D.V. *Russkaia dukhovnaia missiia i pravoslavnoe palestinskoe obshchestvo v 1948–1951 gg. (po dokumentam Gosudarstvennogo arkhiva Izrailia)* [Russian ecclesiastical mission and Orthodox Palestinian society in 1948–1951 (according to the documents of the State Archive of Israel)]. In: Sretenskii sbornik. Nauchnye trudy prepodavatelei SDS. Moscow, 2013, pp. 256–366. (In Russian).